

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

(Д. Мережковский. «Старый вопрос по поводу нового таланта». «Северн. Вѣстник», ноябрь 1888 г.)

I.

«Старый вопрос по поводу нового таланта» — таково заглавіе статьи г. Мережковского; подъ новымъ же талантомъ подразумѣвается здѣсь никто иной, какъ г. А. Чеховъ, двѣ книжки котораго, «Въ сумеркахъ» и «Разсказы», разбираетъ вновь явленный критикъ. Который это «новый талантъ» явился въ лицѣ г. Чехова — даже и сосчитать трудно, потому что, по свѣдѣніямъ газетъ и журналовъ, «таланты» у насъ появляются чуть только не ежеминутно. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, сколько наши газеты и журналы насчитываютъ талантовъ: г. Альбовъ — талантъ, г. Бараневичъ — талантъ, г. Бѣлинскій — талантъ, г. Каронианъ — талантъ, г. Х. — талантъ, г. Z., N., D. и т. д. — таланты. Если такъ, то почему же и г. Чехова не зачислить въ плеяду этихъ талантовъ? Нѣтъ никакой причины, такъ что г. Мережковский правъ, причисливши г. Чехова къ лику «талантовъ», если это слово понимать въ журнальномъ и газетномъ смыслѣ. Все это, впрочемъ, въ порядкѣ вещей, но мнѣ всегда становится досадно, когда и г. Вл. Короленко тоже зачисляютъ въ плеяду этихъ «талантовъ». Это обидно. Г. Короленко столь мало похожъ на всѣ эти «таланты», его произведенія такъ рѣзко отдѣляются и тономъ, и манерой, и языкомъ отъ произведеній всѣхъ вышеупомянутыхъ талантовъ, что какъ-то странно чинится, когда и его, на ряду съ прочими, упоминаютъ съ эпитетомъ «нашъ талантливый беллетристъ». Но дѣло не въ томъ. Пока мы займемся лишь г. Чеховымъ и его критикомъ, г. Мережковскимъ.

О г. Чеховѣ я уже имѣлъ случай высказать свое мнѣніе, такъ что остается лишь кратко и въ общихъ чертахъ напомнить его читателямъ.

Но прежде нежели говорить о г. Чеховѣ, необходимо указать нѣкоторыя «смягчающія обстоятельства», иначе пришлось бы или несправедливо хвалить нашего автора, хвалить, съ заднею мыслью о «смягчающихъ обстоятельствахъ», или не менѣе несправедливо порицать.

Дѣло въ томъ, что литература вообще, и даже «язычная словесность» въ частности, все болѣе

и болѣе обращается у насъ въ «промышлень»; тонъ даютъ именно разные «промышленники», ничего общаго съ литературой не имѣющіе. Люди дѣйствительно даровитые (какъ хотя бы тотъ же г. В. Короленко) по возможности сторонятся отъ этой промышленной литературы и ея приѣмовъ — но вѣдь трудно отъ иныхъ писателей требовать, въ своемъ родѣ, «гражданскаго мужества», если дѣло идетъ подъ часъ о кускѣ хлѣба. Что дѣлать? «На войнѣ, какъ на войнѣ». Приходится пробиваться, приходится искать усилія, всегда въ ущербъ дарованію, всегда въ ущербъ литературности. Вотъ хотя бы г. Чеховъ. Съ чего онъ началъ? Съ писанія «разсказцевъ» въ «Будильникѣ», «Осколкахъ» и т. п. изданіяхъ; потомъ перешелъ къ каторжной работѣ — писалъ «ежедневную беллетристику» — не мудрено, что и беллетристическія вещи, помѣщаемыя имъ теперь въ журналахъ, тоже отдають запахомъ «ежедневной беллетристики», — не мудрено, что тонъ, даваемый литературными промышленниками, отразился и на г. Чеховѣ.

Некогда обдуматься, некогда опомниться, некогда привести себя въ порядокъ. А между тѣмъ

Для дѣла великихъ делъ нуженъ,
Спокойный духъ и добрый ужинъ —

какъ сіе изъясняетъ знакуронецъ Люцій въ «Трехъ смертяхъ» Майкова. Положимъ, разговоръ у насъ идетъ не о «злакихъ дѣлахъ», и если я о такихъ упомяну, то лишь потому, что изъ стиха, какъ и изъ пѣсни, «слова не выкинешь» — но вѣдь и для всякихъ дѣлъ, особливо же для литературныхъ, чтобы ихъ дѣлать хорошо, хотя бы и «въ предѣлахъ своего дарованія» — тоже нуженъ «спокойный духъ». Съ этимъ никто спорить не станетъ — а уже какой же тамъ «спокойный духъ» при «ежедневной беллетристикѣ»?

Иные находятъ, что о «беллетристикѣ» и вовсе говорить не стоитъ, что беллетристика — «ложный родъ», такъ сказать. Такъ думаетъ Шопенгауеръ. Онъ находитъ, что беллетристика, даже талантливая, вредна тѣмъ, что заслоняетъ отъ читателей истинно художественныя произведенія. Такъ думалъ, и совершенно независимо отъ Шопенгауера, потому что не былъ знакомъ съ сочиненіями этого философа, и Ю. О. Самаринъ. Онъ считалъ беллетристику дѣломъ рѣшительно бесполезнымъ, о чемъ и развилъ пре-

* См. письмо Чехова А. Чехову отъ 23 мая. 1888 (3, 77, 353-4) по поводу одной изъ статей въ «Южномъ краѣ» (см. примечаніе).

См.
Чеховъ
А. Чеховъ
Въ 3-мъ
не
2011

красно свои мысли в статью, помещенной в 1-м томъ его «Сочиненій». Пожалуй, оно и такъ, но, во первыхъ, беллетристика бываетъ разная, а во вторыхъ, гдѣ уже намъ до художества! Художество у насъ было, да все вышло,—художество дѣло то уже слишкомъ большое, очень большими обстоятельствами обусловленное,—а жазнь все течетъ да течетъ, предъявляетъ все новыя и новыя явленія, о которыхъ интересно узнать что нибудь, хотя бы уже не отъ художанка, если такого нѣтъ на лицо, а отъ даровитаго беллетриста. Видѣ художество—легко сказать, требуетъ кромѣ дарованія, кромѣ способности воплотить въ образахъ свои мысли и чувства,—вѣдь оно требуетъ способности «проникновенія», для которой необходима высокая объективность, дающаяся не даромъ—объективность, которую нужно выстрадать; вѣдь подвигъ художника—это, въ своемъ родѣ, подвигъ аскета и мученика, подвигъ всей жизни. Прочтите биографію любого изъ великихъ, и даже и не великихъ, но истинныхъ художниковъ,—прочтите такую биографію, которая всегда есть исторія мученичества, исторія тяжелого и невыносимаго подвига. Что за дѣло, что тамъ вы не найдете дыбы и клещей; вѣдь «психологическое» мученичество иногда бываетъ тяжелѣе матерьяльнаго. Развѣ не мученики Пушкинъ и Тургеневъ, Гоголь и Достоевскій, какъ ни различаю они по степени своей величинѣ? Развѣ не мученикъ Л. Толстой,—развѣ его «Исповѣдь», его «Смерть Ивана Ильича», не есть крикъ невыносимой боли?

И вотъ если художникъ возноситъ насъ въ сферу чистаго созерцанія, въ сферу «проникновенія» очищеннаго великимъ страданіемъ духа, то беллетристика (т. е. хорошая беллетристика), оставаясь на землѣ, даетъ намъ результаты:—

Ума холодныхъ наблюденій.
И сердца горестныхъ замѣтъ...

Если художество есть поученіе мудреца, проникнуваго въ самую сущность вещей, то беллетристика есть безинтересный рассказъ неглупаго, наблюдательнаго и искреннаго человѣка. Вотъ почему произведенія хорошихъ беллетристовъ, въ родѣ А. Дюма или нашего г. Вл. Короленко, производятъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ рассказъ стараго, давняшаго друга, который, возвратившись изъ далекаго странствованія, уютно усѣвшись у пылающаго комелька, рассказываетъ

о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, что пережилъ и почувствовалъ. Онъ вѣдь и не претендуетъ на «проникновеніе» и «откровеніе», онъ не желаетъ и не можетъ обнаруживать передъ вами глубокія и вѣчныя тайны души человѣческой,—онъ просто рассказываетъ о неизвѣстныхъ вамъ мѣстахъ и людяхъ, вѣстѣ съ вами плачетъ и смѣется, удивляется и восхищается, недоумѣваетъ и негодуетъ. Такъ рассказывать можетъ не всякій, и вотъ почему это тоже—талантъ; и вотъ почему и беллетристу можетъ вамъ рассказать о томъ, что кругомъ васъ, что вы видите каждый день, такъ, какъ бы рассказывалъ о неизвѣстныхъ вамъ мѣстахъ и людяхъ. Пусть онъ скользитъ по поверхности, не проникаетъ въ глубь, но все же кое-что онъ для васъ освѣтитъ, кое-что осмыслитъ—хотя на мгновеніе тронетъ вашу душу, заставитъ улыбнуться или задуматься....

Но дѣло въ томъ, что поддѣлаться подъ художество—нельзя, поддѣлаться подъ беллетристику—можно. И поддѣлываются. Случалось-ли вамъ видѣть неуклюжихъ и недалекихъ болтуновъ, любящихъ рассказывать всѣмъ и про все? Если такой говорунъ успѣетъ научиться шаблоннымъ литературнымъ приемамъ, онъ свою тяжелую и плоскую болтовню облакаетъ въ форму романа или повѣсти—и вотъ вамъ источникъ многихъ романовъ и повѣстей, какіе мы часто встречаемъ на журнальныхъ страницахъ. Случалось-ли вамъ видѣть силетяжковъ, которые всегда знаютъ «свою подноготную»? Если подобный силетяжикъ научится шаблоннымъ литературнымъ приемамъ, онъ точно такъ же облакаетъ свою силетню въ форму романа или повѣсти—и вотъ еще новый «родъ» беллетристики. Наконецъ, если одинъ изъ безчисленныхъ у насъ Хлестаковыхъ сумѣетъ какъ нибудь овладѣть шаблонною литературною формою, онъ тотчасъ же свое вранье облакаетъ въ форму романа или повѣсти—и вотъ источникъ романовъ, подобныхъ романамъ, наиримѣръ, г. Немировича-Данченко. Все это сходять за беллетристику, между тѣмъ какъ все это есть не болѣе, какъ какая то скучная или неприличная канитель, находящая однако свой кругъ читателей.

Мы не къ тому все это сказали, чтобы причислять г. Чехова къ подобнымъ «поддѣлывателямъ»—но, обращаясь къ нашимъ беллетристамъ иной категоріи, все же приходится отмѣтить очень

чужую выставку во время 3 го съезда русских

печальное явление. Рассказывать они умѣютъ, иные и очень бойко, видна у нихъ и нѣкоторая наблюдательность, но ни у одного нѣтъ объединяющей мысли. Огюда и въ тонѣ, и въ приѣмахъ—какая-то растерянность, а въ изображеніи—какая-то недоконченность, такъ что иногда ровно ничего и понять нельзя. Тоже самое можно замѣтить и у г. Чехова. Читаешь его рассказъ—и чувствуешь, что это не ремесленная работа, что тутъ, дѣйствительно, кое гдѣ мелькаютъ живыя чермы, а, въ концѣ концовъ, получается такое впечатлѣніе, что невольно подумаешь: зачѣмъ это авторъ и начиналъ свой рассказъ?

Въ этомъ, между прочимъ, можно видѣть прѣзнакъ какой-то теперешней общей умственной и нравственной усталости. «Мыслили, моль, мыслили, ничего не вышло, дай совсѣмъ бросимъ, а будемъ себѣ писать такъ, авось что-нибудь и выйдеть». Конечно, при дарованіи, иной разъ что-нибудь и выходитъ: отдѣльная типичная фигура, какая нибудь картинка, недурно написанная лирическая страница,—но цѣлаго, законченнаго, ровно ничего. Я говорю не о формальной сторонѣ и уже, конечно, не о величинѣ. Чтобы не ходить за сравненіями къ большимъ художникамъ (тутъ всегда говорятъ: ну, что это вы вздумали сравнивать съ Тургеневымъ или Толстымъ), возьмемъ одного изъ современныхъ (положимъ, почти одного на всѣхъ)—г. Вл. Короленко. Дарованіе у него не большое, но у него есть «объединяющая мысль», есть «міросозерцаніе», хотя еще и не совсѣмъ ясно, не совсѣмъ установившееся; онъ не пишетъ такъ, *на авось*, а потому каждый, самый маленький рассказъ его, какъ и примѣръ, «Старый звонарь», совершенно законченъ и производитъ цѣльное впечатлѣніе.

II.

Таковъ г. Чеховъ—теперь, посмотримъ, каковъ же его критикъ, г. Мережковский. Прежде всего, г. Мережковский, вѣроятно, человекъ совершенно простодушный, потому что выдаетъ себя, какъ го ворится, съ руками и съ ногами, съ первыхъ же словъ. «Въ послѣднее время на Западѣ, а отчасти и у насъ—такъ начинается г. Мережковский свою статью—распространился ноамъ, оригинальный родъ литературныхъ произведеній—маленькіе сжатые очерки, почти отрывки, приближающіеся по

своимъ размѣрамъ и содержанию къ известнымъ «Стихотвореніямъ въ прозѣ» Тургенева. Монпассанъ, Ришпенъ, Коппе, Бонвилъ и другіе французскіе беллетристы новѣйшей формации первые ввели въ моду эту своеобразную и довольно граціозную форму, отлично приспособленную къ потребностямъ и вкусамъ современной публики». Затѣмъ, сославшись на мнѣніе Спенсера о музыкѣ—потому что безъ «Спенсера» нельзя обойтись, г. Мережковский продолжаетъ: «Эдгаръ Поэ и Гоффманъ—гении эпохи современныя, которыхъ никакая эпоха, кромѣ нашей, не могла бы оцѣнить, стремились воплотить въ словѣ неясное, неудовимое и почти непередаваемое волненіе, доступное, повидимому, одной только музыкѣ». «Г. Чеховъ, заключаетъ критикъ, издавшій въ нынѣшнемъ и прошломъ году двѣ книжки новеллъ, принадлежить къ беллетристамъ этого новаго типа».

И такъ: Тургеневъ, Эдгаръ Поэ, Гоффманъ, Монпассанъ и Чеховъ.

Вотъ сопоставленіе именъ, сдѣланное г. Мережковскимъ—и тотчасъ обличающее, кто онъ самъ. Да никто иной, какъ старый нашъ знакомый, литературный поручикъ Пироговъ, тотъ самый поручикъ Пироговъ, который «любилъ потолковать о литературѣ», причѣмъ «хвалилъ Пушкина, Булгарина и Греча и говорилъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ» (тогдашній лубочный романистъ). Такъ точно поступаетъ и г. Мережковский. Для него нѣтъ большаго различія между Эдгаромъ Поэ и Монпассаномъ, между Гоффманомъ и г. Чеховымъ. Онъ думаетъ, что всѣ они одинаково приспособлены къ «потребностямъ современной публики». Онъ совершенно не понимаетъ, что Монпассанъ потому удовлетворяетъ «потребностямъ современной публики», что его можно читать между закуской и обѣдомъ, да и пишетъ онъ тоже, вѣроятно, между закуской и обѣдомъ. Но г. Мережковскому совершенно достаточно, что и у Гоффмана небольшие рассказы, и у Монпассана небольшие рассказы—значить и вали ихъ въ одну кучу. Ему нѣтъ дѣла, что Гоффманъ великъ тѣмъ, что сумѣлъ, какъ нитю, затронуть самыя затѣяныя струны души человѣческой,—живущее въ этой душѣ стремленіе къ таинственному, вездѣшнему, фанстатическому, что онъ сумѣлъ впечатлѣніе этого таинственнаго, глубоко скрытаго въ природѣ и въ душѣ

человѣческой передать такъ, что читая иныя его вещи, вы испытываете почти паническій ужасъ;— а у Монпасана только и есть, что коротенькія строчки, коротенькія мысли, коротенькія чувства, одобренныя салынными пикантностями. И вотъ: Гофманъ и Монпасанъ... Ну не подлинный ли поручикъ Пироговъ этотъ г. Мережковский. Но— дальше въ лѣсъ, больше дровъ. Объяснивши, что одни писатели (вы думаете, что тутъ г. Мережковский для сравненія съ г. Чеховымъ возьметъ г. Баранцевича или г. Альбова, или еще какогонибудь г. Х или Z? Начуть не бывало! Поручикъ Пироговъ выдерживаетъ свой характеръ и сравниваетъ г. Чехова съ Байрономъ и Лермонтовымъ, съ Теккеремъ и Достоевскимъ) любили природу, а не любили челоуѣка, другіе же—наоборотъ, нашъ поручикъ Пироговъ заключаетъ, что г. Чеховъ, «подобно Толстому и Тургеневу», «соединяетъ въ себѣ два элемента (любовь къ природѣ и къ челоуѣку), двѣ художественныя сферы (?), которыя бывають слиты лишь у очень немногихъ гармоническихъ талантовъ». Затѣмъ объяснивши, что г. Чеховъ «истинный поэтъ», что ему была «звѣздная книга ясна и съ нимъ говорила морская волна», нашъ поручикъ Пироговъ тутъ же, съ удивительною наивностью, какъ бы для самообличенія, приводитъ отрывки, изъ «поэтическихъ», по его мнѣнію, описаній природы у г. Чехова. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ, приводимыхъ г. Мережковскимъ. Мы отъ себя лишь подчеркнули кое-какія фразы и выраженія.

«Во всей природѣ чувствовалось, что то безнадежное, больное; земля, какъ падшая женщина, которая одна сидитъ въ темной комнатѣ и старается не думать о прошломъ, томилась воспоминаніями о веснѣ и лѣтѣ и апатично ожидала неизбежной зимы».

Раскрываю, наконецъ, книжку «Разказовъ» г. Чехова и беру на удачу первое попавшееся описаніе природы. Вотъ какъ нашъ авторъ описываетъ восходъ солнца:

«Окруженное легкою мутью, показалось громадное, багровое солнце. Широкая полоса свѣта, еще холодная, куналась въ росистой травѣ, потягиваясь и съ веселымъ видомъ, какъ будто стараясь показать, что это надобно имъ, и стали ложиться по землѣ. Серебристая полынъ, голубые цвѣты свинчатей цыбульки, желтая сурѣпа,

висялки—все это радостно пестрѣло, принимая свѣтъ солнца—за свою собственную улыбку».

Такъ то нашъ «истинный поэтъ», который, по утвержденію г. Мережковского, «съ природой одною жизнью дышалъ, ручья разумѣлъ лепетанье, и говоръ древесныхъ листьевъ понималъ, и чувствовалъ травъ прозябаніе» (г. Мережковский для характеристики г. Чехова, какъ «поэта», именно и приводитъ эти стихи)—такъ-то нашъ «истинный поэтъ» описываетъ природу. Но, прочтя лишь приведенные отрывки, всякій, обладающій хотя какими-нибудь вкусомъ, скажетъ, что г. Чеховъ рѣшительно не умѣетъ описывать природу, впадаетъ въ своихъ описаніяхъ въ нестерпимую и смѣшную манерность. Вотъ что г. Чеховъ любитъ описывать природу—это несомнѣнно. Иногда онъ описываетъ природу въ стилѣ вышеприведенныхъ отрывкахъ, на двухъ, трехъ и пяти страницахъ подъ рядъ—а передохнувши, опять описываетъ, и опять страницы на дѣй. Именно это ужасно затрудняетъ чтеніе его разказовъ.

Что касается описанія «челоуѣка», то тутъ, въ видѣ особливой похвалы, г. Мережковский говоритъ, что по этой части г. Чеховъ «напоминаетъ г. Гл. Успенскаго»... Ну, конечно, что и говорить: если «напоминаетъ» г. Гл. Успенскаго, то какъ же не «истинный художникъ»? Только какъ то забавно выходитъ: то г. Мережковский все упоминалъ Тургенева и Толстого, Теккеря и Достоевскаго, даже до самаго Байрона добирался—и вдругъ—Гл. Успенскій!

Но истинно великодушнъ г. Мережковский, когда онъ пускается въ отвлеченныя разсужденія объ искусствѣ. Желая оправдать (?) г. Чехова за его «безтенденціозность», г. Мережковский говоритъ: «хорошо и такъ, безъ тенденціи»; но не желая отступить отъ «принциповъ научной этики» и «утилитаранской нравственности», нашъ критикъ останавливаетъ и «тенденцію», разсуждая въ слѣдующихъ терминахъ:

«Мы, будучи безконечно далекими отъ какихъ бы то ни было, тѣмъ болѣе эстетически неоправданныхъ нападокъ на тенденцію, признаемъ за ней громадное, не только жизненное, но и художественное значеніе, такъ какъ она является однимъ изъ самыхъ роскошныхъ, неисчерпаемыхъ источниковъ поэтического вдохновенія. Развѣ не рѣзкая

протяжъ князя Бисмарка рѣзкою статьей. Побужденія, заставившія факультетъ сдѣлать этотъ шагъ,

боевая тенденціозность, отвѣтившая на жгучіе вопросы дня, создала стихъ Ювенала и высокохудожественные образы нѣкоторыхъ сатиръ Щедрина, вдохновеніе Барбье и безсмертные политическіе памфлеты Свифта, пѣсни Некрасова и Chatelements В. Гюго?»

Да проститъ меня г. Мережковскій, но возможно ли на протяженіи нѣсколькихъ строкъ наговорить столько чепухи? Съ какого бока сатиры Ювенала или памфлеты Свифта относятся къ «поэзии» и «художеству»? Гдѣ можно найти слѣды тенденціозности въ имыхъ «художественныхъ» образахъ Щедрина, въ тѣхъ образахъ, гдѣ этотъ писатель является не сатирикомъ, а художникомъ? Про какія «пѣсни Некрасова» говоритъ г. Мережковскій? Про «Парадный подѣздъ» или «Фландрона», или многія мѣста изъ «Кому на Руси жить хорошо» и т. п. произведенія, которыя невозможно читать безъ тошноты, именно благодаря ихъ «тенденціозности», сдѣлавшей ихъ анти-поэтичными,—или про нѣкоторыя лирическія стихотворенія того же Некрасова, превосходныя именно потому, что въ нихъ есть поэзія, но нѣтъ «тенденціи»?

Вѣдь все это можно было наговорить, именно не имѣя ни малѣйшаго понятія, что такое *мысль*, и что такое *тенденція*,—не имѣя понятія, что невозможно представить себѣ «художественное произведеніе» безъ мысли, безъ идеи, точно такъ же, какъ невозможно себѣ представить тенденціозное художественное произведеніе. Но дѣло въ томъ, что мысль, идея и тенденція двѣ вещи не только совершенно разныя, но исключаютъ другъ друга.

Мысль это—нѣчто органическое, растущее и развивающееся, тенденція—нѣчто механическое, механически воспринимаемое. Чтобы имѣть мысль—надо имѣть умъ; тенденцію же иначе и воспринять нельзя, какъ въ рѣшительно пустую голову. Мысль освѣщаетъ явленія жизни, старается объяснить ихъ,—объясняетъ факты и сама расширяется, развивается, осложняется подъ напоромъ фактовъ; на тенденцію же только всего, что нанизываются факты, какъ грибы на ниточку. Если же какой грибокъ не дѣлаетъ, то просто его отбрасываютъ. Люди мыслящіе имѣютъ и міросозерцаніе, которое есть результатъ мысли; люди, у которыхъ мысли нѣтъ, а есть лишь тенденція, міросозерцанія имѣть не могутъ, а просто, не разсуждая,

прякидываютъ къ жизни своей, взятыи на прокатъ, аршинъ и мѣряютъ...

Вотъ почему нельзя назвать ни одного истиннаго художника, у котораго бы не было мысли, а была бы тенденція. Всѣ художники, каковы бы ни были размѣры ихъ дарованія, имѣла то или иное міросозерцаніе—одни болѣе широкое и глубокое, болѣе объективное, слѣдовательно, другіе менѣе широкое и глубокое, менѣе объективное.

Субъективнѣйшій изъ поэтовъ—Байронъ, заключилъ въ свою поэзію одностороннюю мысль, но не тенденцію. Напрасно такъ же г. Мережковскій клеветаетъ на Ювенала и Свифта—и въ ихъ произведеніяхъ оказалась *мысль*, а не тенденція, хотя они были и не художники, ибо *мысль* будучи однимъ изъ элементовъ художественнаго творчества, обязательна и для всякаго литературнаго произведенія, разъ оно есть литературное произведеніе, а не наборъ словъ, подобный хотя бы статьѣ г. Мережковскаго. Никто бы не сталъ упрекать современныхъ беллетристовъ, въ томъ числѣ и г. Чехова, за то, что они не тенденціозны; но ихъ можно упрекнуть за отсутствіе *мысли* въ ихъ произведеніяхъ, за то, что они пишутъ *такъ*, на авось, лишь бы что нибудь вышло, о чемъ и ужъ говорилъ выше... Въ томъ же можно упрекнуть и современныхъ критиковъ, въ родѣ г. Мережковскаго: нѣтъ у нихъ уже ровно ничего—ни мысли, ни вкуса, ни даже простой начитанности, а есть лишь наборъ словъ, бессмысленно нахватавшихся изъ тѣхъ или другихъ случайно появившихся подъ руку книжекъ. Но вѣдь наборъ словъ такъ и останется наборомъ словъ, хотя бы между этими словами пестрѣли имена Шекспира и Байрона, Ювенала и Свифта, Диккенса и Толстого, хотя бы этотъ наборъ словъ былъ уснащенъ (кстати сказать, манера наострившихся писарьковъ изъ кантонистовъ) «эмоціями» и «принципами научной этики», ненужными цитатами изъ Спенсера и смсками на «утилитаріанскую» (?) нравственность....

Г.

(По Гурьеву - Заборица - Вокан)

А откуда же черпать ?)

Синонимы просятъ

10 летъ просятъ !